

«Старых» войн не было, или Этика дронов

Комментарий к статье Николая Ссори́на-Чайкова

ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Тюмень, Россия, i.m.chubarov@utmn.ru.

ЮЛИЯ АППОЛОНОВА

Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Тюмень, Россия, y.s.appolonova@utmn.ru.

Ключевые слова: асимметричная война; гибридный мир; этнография насилия; Вальтер Беньямин; Карл Шмитт; партизан; камикадзе; этика дронов.

В статье проблематизируются традиционные понятия войны и военной этики с точки зрения жертвы террористической атаки и обстрела боевого дрона, децентрирующей оппозиции «старых» и «новых», «больших» и «малых» войн, комбатанта/нонкомбатанта, солдата/партизана, друга/врага, победителя/побежденного. Авторы ставят вопрос о политическом статусе и социальной роли этнографических, антропологических и этических исследований в контексте «новых войн», включающих в себя формы партизанской войны и использующих тактики террористической деятельности. Опираясь на современные социально-антропологические, этические и политические исследования (Хью Гастерсон, Мэри Калдор, Джефф Макмахан, Люси Сачман, Эмран Фероз, Грегуар Шамаю, Кирилл Мартынов, Виктор Вахштайн и др.), авторами обсуждаются проблемы соответствия технологий беспилотников и других автоматизированных вооружений ценностям российской военной этики,

и перспективы социальной адаптации соответствующих технологий в различных мировых культурах.

В тексте актуализируется критика насилия Вальтера Беньямина и проблематизируется понятие политического Карла Шмитта в контексте анализа современной военной этнографии (см. обзор Николая Ссори́на-Чайкова «Гибридный мир: этнографии войны», публикуемый в этом же номере «Логоса»). Анализ исторических переходов и инверсий фигуры партизана, камикадзе, оператора БПЛА и террориста-смертника деконструирует как понятие «гибридной войны», так и «гибридного мира». В заключение авторы анонсируют проект менее ригористической, не чисто запретительной этической программы («этики дронов»), которая могла бы лечь в основу алгоритмов соответствующих автоматизированных систем, принимающих решения в условиях военных кризисов и чрезвычайных положений. Статья продолжает проблематику номера «Логоса» о войне (2019. Т. 29. № 3).

Отсутствие войны называют миром.

Википедия. Война

Стаз (греч. *στάσις* — стояние, неподвижность) — остановка физиологического содержимого в просвете того или иного трубчатого органа.

Этика самопожертвования vs этика самосохранения

В НАЧАЛЕ августа 2019 года Воздушно-космические силы РФ протестировали российский боевой дрон — первый тяжёлый разведывательно-ударный беспилотный комплекс С-70 «Охотник». Министерство обороны выложило в сеть только короткое видео испытательного полета, а смысл произошедшего доносили уже военные журналисты: «Российская армия сможет выполнять задачи без риска человеческих потерь»¹. По словам командующего военно-воздушными силами РФ, заместителя главнокомандующего Воздушно-космическими силами генерал-лейтенанта Сергея Дронова:

Оснащение войск беспилотными летательными аппаратами позволит значительно повысить эффективность их применения, а также обеспечить сокращение потерь личного состава².

В декабре 2020 года беспилотник прошел очередную серию испытаний, продемонстрировав уже не только летные, но и ударные функции, взаимодействуя в паре с истребителем пятого поколения Су-57. Интеграция машин осуществлялась по принципу ведущий/ведомый: БПЛА С-70 «Охотник» передает данные пилоту

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований и фонда «За русский язык и культуру (РЯИК)» в рамках научного проекта № 20-511-23001 РЯИК.

1. *Заквасин А.* «Сможет вести разведку автономно»: какими возможностями будет обладать ударный беспилотник ВКС «Охотник» // RT. 04.08.2019. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/655955-ohotnik-bespilotnik-ispytaniya>.
2. *Худолеев В.* Покорители небесных просторов // Красная звезда. 12.08.2020. URL: <http://redstar.ru/pokoriteli-nebesnyh-prostorov/>.

Су-57, который затем и должен выбрать цель и средства поражения, то есть принять решение о нанесении удара, с последующей передачей информации дрону. В качестве истребителя-перехватчика воздушных целей С-70 «Охотник» сможет уничтожать летательные аппараты противника, нанося удар ракетами, а возможно — как камикадзе, жертвуя собой.

Но в теме российских дронов важны не столько технические параметры и боевые характеристики самих машин (хотя это очевидный технологический скачок в производстве БПЛА), сколько проблемы их встраивания в социальную ткань и адаптации к традиционным представлениям о войне, которые во многом определяют политические решения и распределение бюджетов в этой области.

Если американцев в теме дронов вдохновляет возможность замены комбатанта машиной и обеспечение безопасности гражданского населения³, то россиян больше заботит сокращение человеческих потерь армии. Здесь надо вспомнить, чем подвиг Гастелло отличался, с одной стороны, от бомбардировок Японии, а с другой — от «спасения рядового Райана». Этика самопожертвования контрастирует здесь с принесением в жертву целых городов ради безопасности, экономического благополучия и правовой защищенности рядовых граждан своей страны. При этом нельзя сказать, что у русских отсутствует инстинкт самосохранения, но у него иная направленность: в фокусе не отдельный субъект, а «товарищеский коллектив». При этом, разумеется, этика коллективного самопожертвования остается замешанной на залежах коллективного же социального насилия, носящего тотальный миметический характер⁴.

Отсюда можно более корректно поставить вопрос: кто ближе россиянам в отношении ценности жизни или ставок смерти на войне — японцы, китайцы, европейцы или американцы? Что более когерентно «русской идее» — этика самопожертвования или этика самосохранения? Еще точнее, можно спросить, следует ли Россия какой-то иной, альтернативной по сравнению с США и Западной Европой, юридической традиции и этике войны, способу отношения к военной технике или, возможно, даже иному режиму

3. См.: *Suchman L. Situationsbewusstsein. Tödliche Biokonvergenz an den Grenzen von Körpern und Maschinen // Zeitschrift für Medienwissenschaft. 2016. Heft 15. № 2. S. 25.*

4. См.: *Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: НЛЮ, 2010.*

машинно-человеческих взаимодействий? Для ответа на этот вопрос понадобятся исследования истории и дизайна русского и советского оружия *à la* Вилем Флюссер⁵ в контексте развития производственного искусства и конструктивизма, чтобы объяснить, например, почему пистолет Макарова столь неудобен в использовании в сравнении с австрийским *Glock 17*, а производители «Калашникова» задумались об эргономичности знаменитого автомата только в 2011 году.

В «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости», фрагменте отсутствующем, кстати, в русском переводе этого эссе, Вальтер Беньямин проводил различие традиций доисторического и индустриального использования техники:

Первая старалась максимально задействовать человека, тогда как вторая — минимально. Подвиг первой, если можно так выразиться, состоит в человеческом самопожертвовании, а вторая представлена беспилотным самолетом, который управляется при помощи радиоволн.

Беньямин здесь, аналогично его собственной теории предвосхищения возможностей новых медиа средствами старой техники, прогнозирует появление и последующее массовое использование дронов, на что указывает в своей книге «Теория дрона» Грегуара Шамаю⁶.

И, действительно, в России, по крайней мере в художественной и массмедийной репрезентации этой темы, до сих пор доминируют доиндустриальные образы использования военной техники, с преобладающим участием человеческого тела. Техника рассматривается здесь как орудие человека, усиливающая его природные силы, как будто продолжающая его тело, проецируя вовне его органы и способности. Традиция, ведущая к дронам, условно за-

5. Ср.: Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна / Пер. Т. Зборовской. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016.

6. См.: Шамаю Г. Теория дрона / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. С. 97. Кстати, работа Беньямина была издана в 1936 году. Тогда же, как пишет Дэвид Минделл, в военно-воздушных силах США появился и сам термин «дрон». «В 1936 году лейтенант-командер Делмар Фарни, возглавляющий тайное управление в военно-воздушных силах США, ввел в обращение термин «дрон» («пчела-трутень»), чтобы отличать американские аппараты от подобных же британских, называвшихся «Квин Би» (*Queen Bee* — «пчелиная матка»). Ср.: Минделл Д. Восстание машин отменяется! Мифы о роботизации / Пер. В. Краснянской, под ред. А. Маркеловой. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. Гл. 4. С. 133.

падная, напротив, стремится максимально заместить тело человека, двигаясь извне вовнутрь, постепенно подменяя и усиливая его протезами и другими технологиями. Ее можно, с известной долей абстракции, связать с капитализмом как системой, где человеческое в принципе замещено и подчинено материализованной абстракции финансового рынка и сетевых технологий, как субститутов любых натуралистических отношений⁷.

Социальная система условно «российская», при множестве оговорок, к которым мы еще вернемся, ориентирована на коллективные ценности, но при ином, чем, например, у китайцев или корейцев отношении к власти⁸. Мы все-таки признаем демократические принципы государственного управления, несмотря на то что *de facto* часто от них отступаем. В контексте военной темы это означает привязанность к пониманию войны как необходимому средству защиты «суверенитета и территориальной целостности», как условия национальной и культурной идентичности, выступающих, в свою очередь, основой ее легитимности. Это предполагает содержание массовой регулярной армии — солдат-срочников и профессионалов, следование традиционным методам ведения боевых действий и развитие современных видов вооружений, в том числе автоматизированных. Но отводимая последним роль сокращения боевых потерь армии выдает архаический подход. Мы смотрим на те же дроны, как на новые средства ведения старых войн, по крайней мере, говорим о них на языке военных кампаний первой половины XX века или в риторике холодной войны его второй половины⁹.

Поэтому в перспективе тотальной автоматизации военной сферы для нас важны не только сами цифровые технологии, робототехника и беспилотные летающие аппараты, но и трансформация заинтересованных в их применении и развитии социально-политических институтов. Иначе их использование будет лишь экстенсивно поддерживать громоздкую систему ВПК и устаревшую военную доктрину. Но наличие эпистемологического разрыва между

7. Ср.: Пасквинелли М. Работа абстракции: семь переходных тезисов о марксизме и акселерационизме // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 57.

8. Ср.: Han Byung-Chul The Viral Emergenc(e/y) and the World of Tomorrow // Pianola Con Libre Albedrio. 29.03.2020. URL: <https://pianolaconalbedrio.wordpress.com/2020/03/29/the-viral-emergence-y-and-the-world-of-tomorrow-byun-chul-han/>.

9. Ср.: Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского, под ред. А. Смирнова, В. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 32–33.

консервативными институциями с их традиционными представлениями о целях войны и поистине революционными возможностями робототехники, цифровых и информационных технологий не позволяет пока рассчитывать в этом вопросе на прогресс ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурно-этическом измерении.

Однако трансформации неизбежны, противиться развитию автоматизированных военных технологий, как и глобализации невозможно. Жесткая конкуренция в этой сфере, и в частности столкновение дронов в Сирии и успехи боевых дронов Азербайджана в последнем карабахском конфликте¹⁰, или использование израильскими военными квадрокоптеров с искусственным интеллектом против боевиков ХАМАС весной этого года¹¹, неизбежно подтолкнут в ближайшем будущем развитие соответствующих технологий в России.

При этом сама природа войны с применением дронов за последнее время существенно изменилась, а вслед за ней и этика войны, что актуализирует вопрос об отношении к этим типам вооружений в российском обществе, как минимум у профессионального академического сообщества, экспертов военного права и этики, связанный с социально-антропологическими последствиями их применения для российского этоса и правосознания. Разумеется, невозможно всерьез говорить о каких-то социально-антропологических противопоказаниях или культурных препятствиях для развития в нашей стране соответствующих технологий¹². Беспилотные системы даже более релевантны пресловутому

10. В СМИ военный конфликт в Нагорном Карабахе 2020 года именовали не иначе как войной дронов. Азербайджан использовал БПЛА турецкого и израильского производства: ударный *Bayraktar TB2* и «дроны-камикадзе» *Narop*. По данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), к моменту начала конфликта, несмотря на то что и Армения, и Азербайджан в последние годы вложили средства в модернизацию вооружения, последний уже обладал преимуществом с точки зрения разнообразия и качества вооружения. И хотя Армения развернула несколько БПЛА собственного производства, именно Азербайджан взял контроль над небом (см.: *Shaikh S., Rumbaugh W. The Air and Missile War in Nagorno-Karabakh: Lessons for the Future of Strike and Defense*// Center for Strategic and International Studies. 08.12.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/air-and-missile-war-nagorno-karabakh-lessons-future-strike-and-defense>).
11. Речь идет о системе искусственного интеллекта *Chimera*, разработанной компанией *Thirdeye Systems*. См.: израильский новостной портал *Ynet*. URL: <https://www.ynet.co.il/digital/technews/article/S155h55ud>
12. Между тем, во введении «Теории дрона» Шамаю отмечает: «„Дрон“ — слово профанного языка. Армейский жаргон прибегает к другой терминологии».

«российскому этосу», ибо у нас не столь выпукло как в западных культурах выражены индивидуалистические ценности, и нам легче обойти (если не преодолеть) антропоцентрические установки цивилизации Модерна в перспективе становления новой трансгуманистической этики и постчеловеческой эпистемологии. Русский язык позволяет даже обойти известный гендерный перекокс в переводе с английского *untanned* как «беспилотный»¹³.

Неслучайно к разработке прообраза боевого дрона первым пришел русско-американский инженер, один из пионеров телевидения, Владимир Зворыкин, совместив в одном устройстве электронное зрение и дистанционное радиоуправление, обеспечивающее доставку «умной бомбы» к местоположению противника. Собственно, ему удалось извлечь рациональное зерно камикадзе-технологии, чтобы создать технологию «антикамикадзе» — радиоуправляемую самонаводящуюся бомбу и дрон¹⁴.

Партизаны, японские камикадзе и шахиды-смертники: генеалогия ударного дрона

В социально-антропологических исследованиях войны с применением боевых беспилотных аппаратов, а в последнее время появилось много интересных, в основном англоязычных работ на эту тему, акцент преимущественно ставится на этико-правовых последствиях их использования, против не обладающих подобным вооружением комбатантов, нонкомбатантов и мирного населения. Это связано с тем, что в применении ударных дронов наиболее наглядно проявляется сущность войны как таковой в отношении понятий закона, права и справедливости. А именно в качестве способа достижения политических целей, признаваемых справедливыми этически сомнительными средствами¹⁵. Но если

гии. Они говорят, скорее, о „воздушном транспортном средстве без экипажа“ (*Unmanned Aerial Vehicle, UAV*) или „боевом воздушном транспортном средстве без экипажа“ (*Unmanned Combat Air Vehicle*), в зависимости от того, оснащен механизм оружием или нет» (*Шамаю Г. Указ. соч. С. 16*).

13. Ср.: «*Unmanned weapon* — неудачный термин, потому что он предполагает, что женщины управлять оружием не могут, и, возможно, потому, что *untanned* может также вызвать ассоциацию — „выхолощенный“» (*McMahan J. Foreword // Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military / B. J. Strawser (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. xiii*).

14. См.: *Шамаю Г. Указ. соч. С. 98–99, 268–269*.

15. «Несмотря на упорное внимание экспертов к точности и законности, прогресс в технологии бомбардировок создает новые моральные и политические угрозы. Например, ведение более безопасной, отдаленной войны,

до их появления войну в основном понимали как вооруженное столкновение равных — армий, государств, военных группировок — для достижения безопасности, защиты жизни и собственности, территориальной целостности отдельных стран, то сегодня, в состоянии поствойны, говорить следует даже не столько о «гибридной войне»¹⁶, сколько о «гибридном мире»¹⁷.

Это промежуточное состояние между миром и войной характеризуется частично приостановленными законами и выборочным применением неправового насилия в отношении стран, народов и отдельных граждан, объявленных сверхдержавами «онтологическим злом». В рамках этого мира война больше не является исключением из правила, но нормой международной деятельности. Действующие акторы гибридного мира, обладающие автоматизированными военными технологиями, могут достигать своих политических целей, больше не объявляя войн, не ведя дипломатических переговоров и не соблюдая международный юридический протокол¹⁸. Другими словами, больше нет ни клаузевицкой войны как продолжения политики другими средствами, ни шмиттовской политики как противостояния друзей и врагов, ни тем более августиновой *iusta bella* как следования нравственным принципам до и во время военных действий. Принципы *jus ad bellum* (право на вступление в войну) и *jus in bello* (право на войне) более не применимы к реальным войнам, и поэтому не могут служить их легитимации, и пригодны разве что *post bellum* (право после войны) — для дальнейшего юридического преследования поверженных про-

в которой хваленая „хирургическая точность“ отчасти иллюзорна, может сделать убийства более частыми и менее связанными с принципами различия и соразмерности. Ключевые вопросы, которые поглощают правовые и этические дебаты о целенаправленном убийстве, — это насколько точным является убийство на самом деле и кто является мишенью» (Lellio, A., Castano, E. The Danger of “New Norms” and the Continuing Relevance of IHL in the Post-9/11 Era // International Review of the Red Cross. 2015. Vol. 97. № 900. P. 1285).

16. Hoffman F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
17. См. статью Николая Ссори́на-Чайкова «Гибридный мир: этнографии войны» в настоящем номере «Логоса». Ср. также у Калдор: «Внешние мировые операции породили то, что можно назвать гибридным миром, — обеспечили ненадежную стабилизацию культуры новых войн» (Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 17).
18. См.: Callamard A. Use of Armed Drones for Targeted Killings // United Nations. Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions. 17.08.2020. URL: <https://undocs.org/en/A/HRC/44/38>.

тивников. Ибо воюют в ней уже не военные, а инженеры-технологии, программисты и операторы дронов, и страдают от нее далеко не сюзерены и их рыцари, а (помимо предполагаемых террористов) жители мирных городов — жертвы террористических атак. Обычные горожане становятся неотъемлемой частью перманентных боевых действий, в чем проявляется подлинный смысл демократии.

Классическому пониманию войны как схватке комбатантов, рискующих своей жизнью на поле боя, в равной мере, хотя и с противоположным смыслом, противостоят фигуры камикадзе и оператора боевого дрона. Хью Гастерсон, автор самого обстоятельного исследования по антропологии войны с применением беспилотников, отмечает:

Оператор дрона — зеркальное отражение террориста-смертника в том смысле, что он также не соответствует нашим фундаментальным представлениям о войне, хотя и в противоположном смысле¹⁹.

Камикадзе преодолевает риск, сознательно выбирая смерть, в свою очередь дрон превращает войну во что-то больше похожее на расправу. Но в исторической ретроспективе они являются «кровными» братьями, хотя и воспитанными в разных семьях — за тем и другим стоит фигура партизана, ведущего боевые действия вне всяких правил и гарантий военного права.

Как отмечает Николай Ссорин-Чайков, так же как в XX веке командование регулярных армий не столько придало партизанам статус комбатантов, сколько само переняло принципы партизанской войны²⁰, государство в XXI веке отчасти взяло на вооружение тактику камикадзе, породив асимметричные фигуры террориста-смертника и оператора боевого дрона.

Шамаю прослеживает историческую связь между дронами и камикадзе, которая с его точки зрения носит характер сродства по противоположности:

... камикадзе и дрон, оружие самопожертвования и оружие самосохранения, не следуют друг за другом в хронологическом порядке, подобно тому, как история вытесняет доисторическую эпо-

19. *Gusterson H.* An American Suicide Bomber? // *Bulletin of the Atomic Scientists.* 20.01.2010. URL: <https://thebulletin.org/2010/01/an-american-suicide-bomber/>.

20. *Ssorin-Chaikov N.* Hybrid Peace: Ethnographies of War // *Annual Review of Anthropology.* 2018. Vol. 47. № 1. P. 251–262.

ху. Они как раз возникают одновременно, как две противоположные тактики, будучи исторически ответом друг на друга²¹.

Речь идет, следовательно, не о биологическом родо-видовом наследовании признаков, а о перекрестном «заражении», носящем социальный характер. Как отмечает Шамаю:

Концептуальный генезис дрона находится в контексте этико-технической экономии жизни и смерти, в которой технологическая власть заменяет неизбежное самопожертвование²².

Использование радиоуправляемых ракет произвело террористов-смертников, заряженных только своим телом. Антрополог науки и технологий Люси Сачман из Ланкастера вторит здесь Шамаю, а они оба — Жану Бодрийяру²³, не ссылаясь на него:

Подрывников-смертников отчасти можно рассматривать как отчаянный ответ на эти инновации: в отсутствие высокотехнологичного оружия им доступно собственное тело, способность приблизить его к другим и сделать самого себя оружием²⁴.

А уже реакцией на шахида становится дрон, лишь на первый взгляд лишенный собственной телесности и чувственности²⁵.

Удаленная близость

Казалось бы, использование дронов должно обеспечивать наиболее комфортные условия участия в войне, как минимум, для их операторов, которым открывается возможность не выходить на поле боя и не рисковать каждую секунду собственными здоровьем и жизнью. Если обратиться к образам из массмедийной

21. Шамаю Г. Указ. соч. С. 98.

22. Там же.

23. Ср.: Бодрийяр Ж. Гипотезы о терроризме // Сигма. 15.07.2016. URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiar-gipotiezy-o-tierrorizmie>.

24. Suchman L. Situationsbewusstsein. S. 26.

25. Ср. у Шамаю: «Сегодня мы снова сталкиваемся с этим антагонизмом между камикадзе и дистанционным управлением. Атаки смертников против атак призраков. Это противоположность прежде всего экономическая. Она противопоставляет тех, кто располагает капиталом и технологиями, тем, у кого для сражения нет ничего, кроме собственного тела. Двум этим материальным и тактическим порядкам соответствует два порядка этических — этика героического самопожертвования с одной стороны, этика жизнеутверждающего самосохранения — с другой» (Шамаю Г. Указ. соч. С. 99–100).

культуры, дрон предстает как один из «даров смерти», гарантирующий его обладателю «бессмертие». Однако, как показывают исследования, операторам дронов, как и другим военнослужащим, свойственно эмоциональное выгорание в процессе осуществления профессиональной деятельности. Но возможно ли на основании этого уравнивать в статусе полноправного участника боевых действий солдата на поле боя и оператора дрона?

Шамаю, который критикует идею эмоционально-травмирующих последствий для операторов дронов, противостоит Гастерсон, приводящий результаты исследований Пентагона 2011 года: из 840 испытуемых операторов 17% обладали клиническими расстройствами и только 4% — полным посттравматическим стрессовым расстройством. Для прояснения этого вопроса он вводит понятие «удаленная близость», которое является своего рода аурагичностью наоборот — при увеличении расстояния до дрона и его целей операторы часто обретают с ними парадоксальную близость, отождествляясь со своими БПЛА и чувствуя себя богами над головами своих жертв.

Вообще в США, где использование военных БПЛА за последнее десятилетие уже стало «повседневной практикой», исследования ПТСР у операторов дронов — актуальный тренд. Различные данные, которыми затем оперируют как журналисты, так и ученые, раскрывают «человеческую», «живую» сторону технологий, за которой стоит фигура оператора, но не самого дрона. Виктор Вахштайн, опираясь на исследование американского журналиста Мэттью Пауэра²⁶ отмечал в этой связи, что «ситуация дистанционного управления беспилотником не снижает, а усиливает эффект психологического выгорания оператора»²⁷. Пауэр также приводит результаты исследований психического здоровья 600 операторов БПЛА американских ВВС, проведенного в 2011 году. 42% экипажей дронов сообщали о переживании умеренного или высокого стресса и 20% — об эмоциональном истощении или «выгорании»²⁸. Шамаю склонен усматривать в теме посттравматизма пилотов дронов только риторику пиарщиков Пентагона. Его генеалогия псевдогероизма, которым таким образом хотят наделить операторов беспилотников, отсылает еще к антивоенным дискус-

26. Power M. Confessions of a Drone Warrior // GQ. 22.10.2013. URL: <http://www.gq.com/story/drone-uav-pilot-assassination>.

27. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 2.

28. Power M. Op. cit.

сиям после Первой мировой. Ведь если выгорание операторов — это реальность, то операции дронов можно идентифицировать как элементы классической войны, что может послужить поводом для реабилитации «дронизированных убийств» в глазах общественности. Шамаю настаивает на том, что тезис об эмоциональном выгорании и эмпатии операторов беспилотников по отношению к жертвам, по сути, изначально невозможен, так как в принципе не имеет под собой никаких реальных оснований: непосредственного личного опыта оператора как участника событий, угрожающих смертью или причинением вреда здоровью. Напротив, доступные ему результаты исследований военных психологов демонстрируют обратное — отсутствие у испытуемых пилотов каких-либо признаков ПТСР²⁹.

В свою очередь, Гастерсон полагает, что об «удаленном стрессе» пилотов дронов говорить все-таки можно, ибо удаленность/близость здесь не линейна, а свернута подобно ленте Мебиуса, и одно дело — решение о запуске ракеты «офицером МБР³⁰, который никогда не увидит своих жертв», и совсем другое — решение «оператора беспилотника, который видит их на экране до и после убийства». Гастерсон ссылается здесь на географа Дерека Грегори, который показал, что оператора дрона нельзя однозначно считать ни палачом, ни геймером, ибо картинка на его дисплее, «с разрешением, равным юридическому определению слепоты водителя», не позволяет ему определить террориста так же однозначно, как в видеоигре³¹.

Это ставит под сомнение используемый Шамаю слишком однозначный аргумент *PlayStation mentality*, в соответствии с которым «диспозитив убийства на экране способствует виртуализации осознания человекоубийства»³². Возможно, дополнительным аргументом против недооценки значения эмоционального выгорания операторов дронов может служить и тот факт, что в серьезных разведывательно-боевых операциях с использованием дрона, участвует до 170 человек, а собственно операторы представляют собой лишь «наконечник копья»³³.

Главными создателями мифа об эмоциональном выгорании операторов дронов являются по мнению Шамаю массовые медиа.

29. Шамаю Г. Указ. соч. С. 124.

30. Межконтинентальная баллистическая ракета.

31. Gusterson H. Drone: Remote Control Warfare. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. P. 66.

32. Шамаю Г. Указ. соч. С. 121.

33. Gusterson H. Drone: Remote Control Warfare. P. 21.

Так в статье 2018 года журналиста *The New York Times* Эяля Пресса³⁴ со ссылкой на реальные истории ветеранов, приводится целый перечень «ран», которые получают операторы дронов во время службы. Их главная причина — в невозможности провести границу между ситуациями, в которых операторы выполняют боевое задание и оказываются в повседневной жизни. Следствием их «работы» является нахождение в ситуации перманентной войны — каждый вечер, словно менеджеры какого-нибудь офиса, они покидают свое рабочее место, а завтра возвращаются снова. Вот как описывает это состояние стирания границ Джефф Брайт, pilot в отставке, прослуживший пять лет на базе ВВС США Крич:

Я буквально только что вышел, сбросив бомбы на врага, а через 20 минут получил сообщение: «Ты не мог бы купить немного молока по дороге домой?»³⁵

По словам Пресса, Брайту нравилось участвовать в программе дронов, он верил, что делает что-то важное, вносит вклад в борьбу с терроризмом, и это мнение журналист неоднократно слышал и от других операторов. Однако такая духоподъемность не убергла от «душевных ран» — некоторые летчики рассказывали о проблемах в личной жизни, разводах, о случаях самоубийств и др. Безусловно, речь не идет о потере конечностей или других травмах, полученных в реальном бою, непосредственном переживании смертей товарищей по оружию или насилии, причиненном кому-либо собственными руками. Это и порождает мысль, что операторы дронов не являются полноправными участниками боевых действий, а значит и не переживают никаких травматических последствий. Более того, сама риторика к которой обращаются военные, чиновники и журналисты, используя для описания ударов дронов определения вроде «точный», «изысканный», «хирургический» и т. п., создает иллюзию бескровной войны, где на передовой оказываются кнопочные войны с джойстиком. Кстати, такое представление возникает не только у гражданских, но и военных из других родов войск.

Подобные рассуждения отказывают операторам дронов в добротели, попутно подрывая традиционные представления о военной этике, с ее понятиями чести, достоинства, мужества и спра-

34. Press E. The Wounds of the Drone Warrior // *The New York Times*. 13.06.2018.
URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/13/magazine/veterans-ptsd-drone-warrior-wounds.htm>.

35. Ibidem.

ведливости. Однако ситуация дистанционной войны не отменяет факта насилия, смерти и страданий, а значит все, кто в ней задействован с «человеческой» стороны, так или иначе переживают данные события либо в статусе жертвы (реальной или потенциальной), либо в статусе того, кто осуществляет насилие. В этой связи антропологический и социологический анализ «перманентной» войны оператора дрона актуализирует два важнейших вопроса, это вопросы о субъекте и локализации действия в случае использования беспилотника (на что обращает внимание Виктор Вахштайн). Для оператора дрона, выключенного из ситуации реального боя, в которой он в том числе действовал бы в команде с другими комбатантами, такая изолированность конструирует ситуацию одиночки, формирующую идею о единоличной ответственности за убийство. В то же время перед нами оказывается уникальный актер, действующий в социальном пространстве, машинно-человеческий симбиоз, онтологически не разложимый на отдельные элементы. Технология снабжает человека дополнительными возможностями зрения и преодоления расстояния, позволяя долгое время наблюдать за жизнью потенциальной жертвы в различных ситуациях. Человек в свою очередь делегирует ей часть своих прав, в том числе в непосредственной реализации убийства и выбора мишени. Здесь опять можно упомянуть Гастерсона, который, рассуждая о возможных жертвах атак дронов, делает акцент на *signature strikes* — когда человек выбирается в качестве мишени не потому, что его имя и фото находятся в списке представителей «онтологического зла», угрожающего гражданам США, а потому что машина фиксирует его внешность и поведение как угрожающее; даже доподлинно не идентифицированный субъект все равно может быть убит на основании составленного профиля³⁶. Образуется особое пространство действия, которое по сути невозможно ограничить ни пределами той комнаты, в которой непосредственно находится оператор, ни той территорией, над которой курсирует управляемый им дрон.

Действия пилота и действия дрона некоторым (техническим) образом сцеплены с действиями их мишеней. И одновременно — «расцеплены» с действиями окружающих (в бункере всегда темно, чтобы пилоты могли сосредоточиться на экране и не видеть друг друга)³⁷.

36. См.: *Gusterson H. Drone Warfare in Waziristan and the New Military Humanism // Current Anthropology. 2019. Vol. 60. № 19. P. 79.*

37. *Вахштайн В. Указ. соч. С. 3.*

Люси Сачман, которая также ссылается на Грегори, расставляет в обсуждаемой проблеме новые акценты — дистанционное ведение боевых действий с помощью дронов вызывает, по ее мнению, не только ожесточение у возможных жертв атак, превратившихся сегодня в не различимую массу боевиков и мирных жителей, и психологические травмы у операторов, но и нарастание чувства тревожности у населения метрополий, чувствующих слишком горячее дыхание войны у своих дверей. Она также пишет о росте ненависти, насилия и терроризма по всему миру как реакции на атаки дронов, перманентном производстве врага и бесперспективности самой стратегии окончательного решения террористического вопроса с их помощью³⁸.

Аналогично Гастерсон, анализируя последствия беспилотной войны в Вазиристане³⁹, критикует американскую стратегию применения беспилотников в том числе за вмешательство и трансформацию жизни гражданского населения. Прелюдия к насилию растянута во времени, кружащий над головами дрон порождает страх и неизвестность. Удар дрона может стать незапланированным событием на чьей-то свадьбе, похоронах, дне рождении. Он вторгается в обыденную жизнь человека, культуру и традиции народа. Кто станет следующей жертвой? Врач, который оказывает медицинскую помощь террористу, владелец магазина, который соглашается подвезти клиента, не догадываясь о его присутствии в списке целеуказаний? Как указывает Гастерсон, согласно местному кодексу чести жители должны проявлять гостеприимство, и что будет, когда потенциальная жертва войдет в твой дом?

Речь идет не только о том, что при атаке дрона на конкретную цель неминуемы случайные жертвы, но о том, что размыт сам статус цели. В идеале дроны должны работать на опережение и вычислять потенциальную угрозу, исходящую от человека до того, как она станет реальной, что и порождает основные вопросы по поводу ведения «гуманной войны», так как на практике удары дронов оказываются не такими уж «хирургическими». Когда технологии не справляются, не позволяют с точностью обнаружить цель, как отмечает Гастерсон, военные обращаются к помощи местного населения. Уничтожение врага порождает еще большее насилие. После удара беспилотника выжившие начинают поиски предателя, который показательно подвергнется пыткам и обезглавливанию.

38. *Suchman L.* Situationsbewusstsein. S. 18, 21–22, 29.

39. *Gusterson H.* Drone Warfare in Waziristan and the New Military Humanism. P. 79.

Такие театральные постановки, которые визуально повторяют нанесенные дронами телесные увечья, создают атмосферу ужаса и террора и еще больше загоняют людей в социальную изоляцию⁴⁰.

Замыкается своего рода репрессивная петля — действия камикадзе и террор шахидов порождают операции с использованием боевых дронов, которые в свою очередь провоцируют новые террористические атаки, а террористические атаки запускают новую волну финансирования воздушно-космических войск, что, в частности, способствует развитию дрон-технологий. Выйти из этого замкнутого круга сложнее, чем в него войти.

Эпистемология жертвы

Были ли войны когда-нибудь справедливыми, велись ли они между равными соперниками согласно нормам военной этики и международного права? Ответ зависит от того, как мы определяем само понятие войны. Подобная спекулятивная постановка вопроса, разумеется, не найдет поддержки у «номинальных историков», но не по причине наличия или отсутствия у них глубоких и обширных исторических знаний, а из-за игнорирования принципиального вопроса о понятии собственного предмета и актуального исторического опыта. С другой стороны, номинальные теоретики войны, независимо от того, какой из «конфессий» они принадлежат, — милитаристской, реалистической или пацифистской, — проявляют в этом вопросе характерную ограниченность исторических и социально-антропологических знаний, плохое знакомство с «матчастью» и полное отрицание актуального экспертного опыта. Но и принципиальное понятие войны не входит в область их исследовательских интересов, поэтому они ограничиваются сравнительным анализом теоретических подходов, которые также промахиваются мимо своего предмета⁴¹.

Здесь не важно, как военные теоретики сами относятся к войнам — романтично, подобно правым, ограничиваясь формальной рамкой права, как либералы, либо безответственно, как пацифисты. Ибо само определение войны как столкновения между государствами, народами, или социальными группами внутри стран, при помощи профессиональных армий и неформальных

40. Ibid. P. 84.

41. Ср.: Куманьков А. Д. Война, или В плену насилия. СПб.: ЕУСПб, 2019. С. 22, 135 сл.

вооруженных формирований (партизан, боевиков или террористов), не выдерживает принципиальной философско-исторической критики⁴². Его феноменологичность, тавтологичность и нарочитая нейтральность маскируют установленные здесь по умолчанию настройки — дискурс государственного интереса, оптику господина-победителя и религиозную антропологию «злой природы человека». Но война не обязана следовать сентенциям папских булл, догмам политической теологии или представлениям о гражданском долге прапорщиков из советского военкомата, ей достаточно соответствовать лишь нашему личному, непосредственному опыту войны, уже безо всяких «-логий».

Речь при этом не идет об опыте реальных убийств или участия в принятии решений о ведении военных действий, а о широком спектре навыков, получаемых гражданским населением в школе и армии, по имеющимся в большинстве стран программам военной подготовки или при фактическом участии в срочной милитаристской службе согласно закону о воинской обязанности. Но еще более важен здесь пассивный городской опыт участия в «конфликтах низкой интенсивности»⁴³. Последним все мы более или менее осознанно обладаем в качестве потенциальных целей террористических атак, сопутствующего ущерба при «гуманитарных» военных операциях или акциях *targeted killings*. При этом было бы неверно говорить об ответственном согласии гражданского населения на подготовку и участие в войнах и других насильственных практиках, тем более о добровольном принятии роли их жертв. Разумеется, кроме случаев, когда отдельные его представители (профессиональные военные, полицейские и т. д.) сознательно желают получить от государства право на применение насилия, с освобождением от личной юридической ответственности, но принимая на себя и соответствующие риски в виде ответных насильственных действий. Во всех остальных случаях имеет место ссылающееся на соответствующие законы принуждение к насилию в государственном масштабе, сопротивление которому влечет за собой юридические последствия. Поэтому опыт жертвы — это не результат свободного выбора между позициями господина и раба, победителя и побежденного, а, по сути, единственно доступная нам экспертная позиция, отнюдь не добровольная.

42. В смысле критики насилия у Беньямина. См.: Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 65–100.

43. Калдор М. Новые и старые войны. С. 31–32, прим. 7.

Как могла бы определяться война в подобной эпистемологии жертвы государственного насилия? Как способ легитимации массовых убийств суверенным решением земных представителей некоего божества, выходящим за пределы права и сопровождаемым социальным, а затем и экзистенциальным исключением жертв. Здесь происходит короткое замыкание концепции политической теологии, связывающее войну и жертвенный ритуал, одновременно демонстрирующее ее идеологическую природу и концептуальную уязвимость. Инстанция божества вводится *ad hoc* как реакция на релятивный характер справедливости и ницшеанское подозрение в личной заинтересованности его агентов в этической и правовой легитимации соответствующих социальных феноменов. Ведь если индивидуально все люди аморальны, то нравственным нормам и бескорыстной инстанции их вменения просто неоткуда взяться, даже если считать их результатом этической конвенции и социального компромисса. Даже если не вставать в откровенно нигилистическую позицию, интерпретируя этику как продолжение войны «другими средствами», воля к власти высшего существа превышает воления всех других возможных субъектов насилия только номинально. Ибо она выступает здесь не как средство достижения справедливых целей, а как манифестация бытия некоего бога войны, якобы способного обнулить все счета насилия и разрешить все социальные конфликты и противоречия. Именно в этом пункте этика войны как способ контроля или оправдания военного насилия может быть подвергнута принципиальной философской критике⁴⁴.

Дискурс господина, победителя или жреца легитимирует насильственные действия в одностороннем порядке, учреждая новое право или поддерживая действующую юридическую систему, этическую доктрину или механику жертвенного ритуала. Согласно господской логике, жертва всегда добровольна, а военные дей-

44. Ср.: «Здесь мы имеем дело с непосредственной функцией насилия, которую обнаруживает даже повседневный жизненный опыт. Что касается человека, то ярость, например, побуждает его к очевиднейшим взрывам насилия, которое относится к поставленной цели не как средство. Такое насилие является не средством, а манифестацией. А именно — это насилие имеет вполне объективные манифестации, то есть формы, в которых это насилие может быть подвергнуто критике. В первую очередь такие манифестации можно значимо наблюдать в мифах. Мифическое насилие в его прообразной форме является чистой манифестацией богов. Не как средство для осуществления их целей, едва ли как манифестация их воли, а в первую очередь как манифестация их бытия» (Беньямин В. Указ. соч. С. 87).

ствия государств реактивны или оборонительны, то есть по сути вынуждены и этим оправданы. Не случайно военные ведомства большинства стран, особенно после Второй мировой войны, стали называть себя министерствами обороны, а не нападения.

Однако с позиции жертвы войны, теракта или кровавого ритуала соответствующие практики выглядят принципиально иначе. Субъекты воли к власти с ее жертвами не очень хорошо рифмуются, даже если последним фактически приходится обороняться. Но они защищают свою жизнь, а не власть. Как говорил Беньямин, насилие как самооборона может быть и оправданным, и справедливым действием, но его правовая легитимация — никогда. Право на убийство как априори законное действие не может быть даровано никому⁴⁵.

Кстати, аргумент самообороны эксплуатируется в контексте этики войны некритически, ибо при переходе от ситуации столкновения с хулиганским и грабительским насилием лицом к лицу в темном переулке до институционально организованного насилия в международном масштабе, вплетаются как минимум два опосредования — интересы права и интересы государств, которые в пределе совпадая, подменяют собой соответствующие цели Справедливости⁴⁶.

Разумеется, аргумент защиты отечества и права на превентивный удар в случае неминуемой угрозы агрессии остается неисчерпаемым резервом этической рефлексии, но «пиарщикам войны» все сложнее сегодня обосновывать из ценностной рамки ее финансирование, ежегодный призыв, частичную мобилизацию и тем более ведение масштабных военных операций. Ибо национальный патриотизм, мотивы борьбы с фашизмом или советизацией, вызовы холодной войны и даже угрозы терроризма на сегодня изрядно поизносились. Обоснования круговой поруки насилия метафизическими или религиозными ценностями, экзистенциальными обстоятельствами «чрезвычайной важности», национальным или государственным интересом, угрозой демократическим свободам или необходимостью самообороны были за долгий XX век и начало XXI века окончательно дискредитированы, причем даже в либеральной логике верховенства права и безусловной ценности жизни отдельной личности⁴⁷.

45. Там же. С. 92.

46. Ср.: Чубаров И. Беньямин Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена // Логос. 2012. № 5 (89). С. 44–67.

47. Ср.: Калдор М. Новые и старые войны. С. 74–82, особенно С. 77.

Поэтому политическим теологам, пропагандистам сакральной войны и безответственным политологам для легитимации военного насилия требуются сегодня более «фундаментальные» аргументы, такие, например, как теория родовой вины resp. априорной греховности человека, присущей ему от природы агрессивности и новой воинственности, в качестве благо приобретаемого социального навыка. Именно на этих трех мертвых китах религиозной антропологии до сих пор основывают свои катастрофические решения суверены современной политической сцены. По понятным причинам, связанным в основном с трагическими последствиями двух последних мировых войн, псевдообосновывающие друг друга идеологические клише гоббсовской *bellum omnium contra omnes* и шмиттеанской абсолютной вражды, составляют репрессивный замкнутый круг, в котором наследники «больших идей» и авторитарных мыслителей XX века до сих пор находят для себя утешение⁴⁸.

Но может ли жертва быть описана позитивно, есть ли у нее своя, альтернативная эпистеме победителей, эпистемология и соответствующая этика?

Асимметричная этика симметричной войны

Подобно тому как направляемое гневом индивидуальное насилие зачастую превышает поводы его применения, не достигая даже целей личной мести, а полицейский произвол компрометирует преследуемые судами цели права⁴⁹, политические цели, которые манифестируют государства для оправдания ведения войн, больше не достигаются в виду противоречащих им интересов глобализованной экономики, развития сетевых медиа и реальной возможности тотального уничтожения, не только противников, но и собственных граждан в ядерной войне.

Если когда-то война и соответствовала своему понятию, то навсегда разошлась с ним после первого применения химического оружия массового уничтожения в Первой мировой, и окончательно после использования ядерной бомбы в конце Второй. Войны после этого, разумеется, не закончились, но иррациональный характер их понятия выявился уже тогда. А именно харак-

48. Ср.: Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2 / Пер. С. Ермакова. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 100–101.

49. Ср.: Чубаров И. Указ. соч. С. 58, 62–63.

тер глобальной катастрофы, выраженный в оксюмороне «ядерная война»⁵⁰.

Атомная бомба как такой секулярный бог, способный в одночасье уничтожить все живое на планете, была наделена этой силой еще до ее практического тестирования на Хиросиме в онто-полит-теологических философиях Карла Шмитта⁵¹. Ее фиктивность становится очевидна в дерридианской формуле «силы закона», применимой без действия, то есть приостановленной в своем использовании при сохранении постоянной угрозы уничтожения мира⁵². Но бессмысленность и невозможность «суверенных решений» в этой области открыла дорогу войнам нового типа с применением автоматизированных систем вооружений и сетцентричных медиатехнологий. Перманентная «новая война» или вечный «гибридный мир» берут начало из этой же ситуации — установления фактического чрезвычайного положения, сопровождаемого систематическими убийствами не обладающего подобным оружием противника, уже не различающими солдат, террористов и гражданское население.

Дроны относятся к атомной бомбе так же, как языческие боги к единому и единственному Богу евреев, мусульман и христиан. Доместицированный Яхве не только победил все примитивные орудия войны от лука со стрелами до танков, но и открыл настоящий ящик Пандоры, дав повод к развитию автоматического, дистанционно управляемого и «умного» вооружения тактического назначения, которое по этой аналогии можно сравнить с размножившимися в современности неоязыческими вероисповеданиями и суевериями внутри авраамических религий. Другими сло-

50. Ср. у Калдор: «Конечным пунктом в логике технологического развития нововременной войны является, без сомнения, оружие массового поражения, а именно ядерное оружие. Ядерная война была бы войной, в которой за считанные минуты применяется предельная сила. Но какая рациональная цель могла бы в принципе оправдать использование ядерных сил? В послевоенный период с этой проблемой столкнулись многие стратегические аналитики. Не аннулирует ли ядерное оружие саму предпосылку нововременной войны — государственный интерес?» (Калдор М. Новые и старые войны. С. 79).

51. См.: Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 281–356; Он же. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Понятие политического. С. 5–59.

52. Ср.: Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / Пер. с ит. М. Велижева и др. М.: Европа, 2011. С. 95; Derrida J. Force de loi: le “fondement mystique de l’autorité”. P.: Galilée, 1994.

вами, наличие атомного оружия развязало руки силовикам соответствующих государств для ведения пресловутых «гибридных» и асимметричных войн против народов, не имеющих подобных технологий.

* * *

Сущность войны проясняется в момент заката социальных институтов, поддерживающих традиционные способы ее ведения и определения. Сегодня она раскрывается в вводимых современными политическими теоретиками, историками и военными экспертами концептах «новых», «гибридных», «сетевых», «постсовременных», «приватизированных» или «вырожденных» войн⁵³. Имеющиеся в виду определения окончательно обесмыслили классическое понятие войны как чрезвычайного события, характеризуемого пространственной локализацией, ограниченностью во времени и сингулярностью, ведущейся между регулярными армиями в формате битв и сражений, с миллионами жертв и опустошительных разрушений.

Тотальной массовой войны с победителями и побежденными больше не хотят не только левые мистики и пролетарские массы, но и вполне себе успешные правые управленцы и неолиберальные предприниматели. Зато все хотят зарабатывать на перманентном поражении заранее проигравших изгоев, играя с ними в авторитаризм, отход от демократии, нарушение прав человека, разработку и сокрытие запрещенных видов вооружений, экстремизм и терроризм. Поэтому боевые действия сверхдержав редуцированы сегодня до актов целевых убийств с помощью дронов, как своего рода высокотехнологического офшора, «отмывающего» юридически неопосредованные виды насилия в глазах мирового сообщества, международного права и этики. Тот же Шамаю пишет об этом достаточно определенно:

Война, какой бы асимметричной она ни была раньше, становится абсолютно односторонней. То, что ранее казалось войной, превращается в кампанию по истреблению⁵⁴.

В действительности войны никогда и не велись между равными, суверенными и свободными в своих решениях соперниками, даже если и выглядели таковыми. Были ли, например, справедливыми, «чистыми» войнами столкновения между городами-государства-

53. Калдор М. Новые и старые войны. С. 30–31 сл.

54. Шамаю Г. Указ. соч. С. 18.

ми Древней Греции? Все советские мальчишки помнят, как подобно олимпийским богам, вмешивались в битвы оловянных афинян с пластмассовыми спартанцами на советско-«персидских» коврах. Элементы гибридности в этих войнах всегда присутствовали, хотя фигурки варваров и рабов в брежневские времена еще не продавались. Вытесненная на задворки истории, всеми заклиная и проклиная *stásis*, выходя из тени легитимной и доблестной *rólemos*, проблематизирует роль жертв и исключенных — женщин и рабов, аутсайдеров и оппозиционеров, определяет место семьи и целого города как субъекта, а заодно и подлинную сущность войны⁵⁵.

Кстати, Джорджо Агамбен, всю жизнь «играющий» с идеями Шмитта в обратные русские шашки, существенно искажил идеи Николи Лоро. Пытаясь доказать, что не вражда всех против всех и отношение друг/враг лежат в основе политического, он приписал гражданским войнам древних греков чуть ли не игровую природу. Но проблема в том, что даже спортивные игры, по крайней мере, командные, давно превратились в политику другими средствами, что не изменила даже автоматизация ряда процессов, связанных с судейством. Поэтому, когда итальянский ученик Хайдеггера рассказывает нам о достославной *stásis* в логике неразличимости политического и неполитического, сближая ее с феноменом чрезвычайного положения⁵⁶, теория партизана Шмитта начинает выглядеть даже более предпочтительно (хотя и не менее банально) в своем неприкрытом колониализме, искреннем европоцентризме и криптогеноциде⁵⁷. Реабилитируя позитивную этическую программу партизана в контексте современной военной стратегии, Шмитт выводил его иррегулярность из регулярности классической армии, мечтая вернуть партизанство в регулярные государственные рамки, чтобы самих партизан можно было бы *de jure*, так сказать, «этично» уничтожать, используя против них их собственное оружие. В этом и состояла, по Шмитту, научная рационализация этого иррационального феномена, и смысл включения партизанской аномии в новый «номос современности» — концен-

55. Ср.: Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Пер. С. Ермакова. М.: НЛО, 2021. С. 37 сл.

56. Ср.: Агамбен Дж. *Stasis*. С. 90–126.

57. Derrida J. *Politiques de l'amitié suivi de L'oreille de Heidegger*. P.: Galilée, 1994. P. 159–174 (см. также рус. пер.: Деррида Ж. Война как политики дружбы. Клятва, заговор, братание или «вооруженный» вопрос // Гендерные исследования. 2018. № 23. С. 43–59. URL: <http://kcg.net.ua/gurnal/23/04-gi23.pdf>).

традиционный лагерь, по Агамбену⁵⁸. Правда, Шмитт умолчал о социальной и персональной катастрофичности, которой сопровождается подобная ререгуляризация — использование партизанских приемов в «большой» политике — от сталинских репрессий до судьбы Рауля Салана⁵⁹.

Сама же Лоро более определена в оценке столь двусмысленных исторических феноменов:

... говоря об Афинах, было бы вполне обоснованно, как мне уже довелось это делать, понимать демократию как *psykhē*, испытывающую затруднение с самой собой...⁶⁰

Затруднения связаны здесь с тем, что из правления народа (*δημοκρατία*) в древнегреческом полисе изначально исключено слишком много народа — женщины, рабы и иностранцы, а протагонисты демократии, вроде Эфиальта, еще и физически устранены ради спокойствия и единства целого. Войны в греческих городах-государствах выглядели отнюдь не как потешные бои реконструкторов в пластиковых доспехах с деревянными мечами, а как по большей части незримые и безгласые, а потому и незадокументированные, многовековые практики насилия и унижения эксплуатируемых и исключаемых из так понимаемой политики слоев населения. Связь между внутренними бунтами, восстаниями рабов и гражданскими войнами, с одной стороны, и внешними военными компаниями греков — с другой, которую тщетно пытался эксплицировать очарованный шмиттеанством Агамбен, опосредована вытесненной в расхожих политических теориях фигурой

58. Ср.: Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. С. 74–76, 124–130; Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. С. 87; Он же. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. И. Левиной и др., под ред. Д. Новикова. М.: Европа, 2011. С. 211–239.

59. Валерий Подорога отмечал в этой связи: «ГУЛАГ есть следствие гражданской войны, то есть может быть объяснен только гражданской войной? Но, как известно, в гражданской войне победителей нет, как нет там ни палачей, ни их жертв. В чем специфика гражданской войны в России? В том, что она достаточно легко была переведена в классовую войну, ставшую политической основой сталинского террора. Итак, мы получили классового врага, внутреннего врага, который никак, ни этнически-национально, ни расово не опознается: он всюду и нигде» («Я — человек войны...»: интервью Валерия Подороги Алексею Козыреву // Сократ: журнал современной философии. 2010. № 2. С. 52).

60. Лоро Н. Указ. соч. С. 110.

жертвы коллективного и индивидуального насилия⁶¹, а не спекулятивными операциями включающего исключения или исключаящего включения, действительности права без применения или его применения без действительности⁶².

Но дело не в том, как нам понимать *stásis* — как вражду братьев или игру врагов, а в том, можно ли вообще считать войну политикой, при всем уважении к Клаузевицу. Война лежит не в основе политики, а предшествует ей по времени, как нравы стаи хищников этике городских сообществ⁶³.

Оптику прусского военачальника здесь стоило бы сопоставить с историческим горизонтом такого писателя, как Варлам Шаламов. В каком смысле для «доходяг» (в отличии от «блатных») ГУЛАГа была интересна история продвижения 1-го Украинского фронта или перипетии битвы за Берлин? Валерий Подорога справедливо отмечал в этой связи:

Мне кажется, ответ на вопрос, что такое ГУЛАГ, будет отчасти ответом на вопрос, что такое ВОЙНА. Нужно по-другому научиться объяснять эту ВОЙНУ, не самой войной и не через сакрализацию жертвы⁶⁴.

Чтобы избежать излишней драматизации и не оскорбить чьих-нибудь чувств, применяемую здесь методологию исторических и политологических исследований можно сравнить с молекулярной кулинарией по отношению к традиционным поваренным книгам и домашним рецептам. То, что творится внутри суфле, не менее

61. См.: Чубаров И. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М.: ИД ВШЭ, 2014. С. 33–90.

62. Так, за идеей деконструкции оппозиции *stásis/pólemos* стоит убийство выступавших за демократию против олигархии афинян, которая нарушила «норму всей организованной политической жизни, создавая тем самым исключительную ситуацию» (См.: Loraux N. *L'invention d'Athènes. Histoire de l'oraison funèbre dans la "cité classique"*. 2nd ed. P.: Payot, 1993. P. 209; Derida J. *Politiques de l'amitié suivi de Loreille de Heidegger*. P. 110).

63. Здесь остаются актуальными соображения Ханны Арендт, принципиально разводящей политическое и насильственное действие. Можно только обойтись без ее конкретных примеров в международной политике США. Ср. ее: «То, что война до сих пор остается *ultima ratio*, продолжением политики насильственными средствами в отношениях между неразвитыми странами, не может служить аргументом против ее устарелости, и не может служить утешением тот факт, что только малые страны без ядерного и биологического оружия по-прежнему могут позволить себе воевать» (Арендт Х. *О насилии* / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. С. 11).

64. «Я — человек войны...». С. 57.

важно для оценки качества кондитерских изделий современным сладкоежкой, нежели история частного человека для понимания смысла какой-нибудь «великой» войны современным историком. Истории повседневности, нарратив о жизни маленького человека в этом смысле — это не какая-то несущественная часть большой, «всемирной» истории, утешительный приз для ее аутсайдеров, а другой взгляд на изучение истории, предполагающий иной смысл обращения к историческим сюжетам и феноменам вообще⁶⁵. Здесь только нужно строго отличать жертв военного насилия и террора от носителей синдрома жертвы, а мифические фигуры сакральной жертвы от субъектов «новой этики» и идеологического политеса.

* * *

Вернемся к этике. Также как в борьбе за признание у Гегеля в войнах всегда жертвовали кем-то неназванным или названным не своим именем — изгоем, рабом, партизаном, террористом, а по сути самостоятельным культурным и политическим субъектом, объявленным варваром, врагом, недоразвитым полуживотным или онтологическим злом. И хотя ставкой подобной схватки объявлялись рациональность, самосознание или субъектность, сами эти ценностные характеристики присваивались одной из сторон военного противостояния как бы априори, некритически полагаясь в качестве ее культурно-исторического бэкграунда.

«Большая этика» четко формулирует центральное положение политической европейской этики до и без всякого Ницше:

...если благо — цель всех умений, то очевидно, что целью высшего умения будет высшее благо. А высшее умение, несомненно, политическое искусство, так что именно целью политики будет высшее благо. Нам нужно, стало быть, говорить о благе, причем не вообще (*haplos*) о благе, а о *нашем* благе, — ведь мы не должны говорить здесь о благе богов, потому что о нем дру-

65. Разумеется, претензия на подобную методологию исторических исследований не представляет собой какую-то новость — от Джованни Леви и Карло Гинзбурга до Мишеля де Серто и далее можно говорить об этизированной традиции микроистории с индивидуальной фокусировкой и локальным масштабом исследований при глобальных выводах из них. Но вряд ли кто-то станет спорить, что несмотря на величие отдельных звезд, она остается маргинальной по сравнению с господствующей историографией; не в последнюю очередь из-за внутреннего сопротивления подобной институционализации.

гое учение и исследовать его надо иначе. Итак, наше дело говорить о благе в общественной, политической жизни⁶⁶.

Но и о благе варваров и рабов, по Аристотелю, говорить мы также не должны, как и о благе женщин и других групп населения, не относящихся к закрытому клубу *Oi ándres* — свободных белых мужчин, полноправных членов греческого полиса⁶⁷.

К чести Стагирита — этого Captain Obvious европейской философии, надо сказать, что, согласно его определениям, как из идеи блага не следует конкретное благо, так и из идеи справедливости не следует справедливость конкретного поступка, даже если бы он совершался со ссылкой на нее. Здесь оказывается справедливым различие между идеей справедливости и качеством, присущим всему справедливому. Признак универсальности идеи справедливости противоречит попыткам перенести соответствующее качество с одной моральной ситуации на другую, указывая на принципиальную релятивность и ситуативность этого понятия⁶⁸.

Если исходить из этимологии слова «справедливость» в европейских языках (лат. *justitia*, нем. *Ge-recht-ig-keit*, англ. и фр. — *justice*, русское с-праве-д-ливость — согласно праву и т. д.), следование ее целям не предполагает соответствия абстрактным универсальным принципам этики, а означает подчинение конкретным правовым установлениям и даже частным практикам правоприменения, которые легко переносятся на любые схожие юридические ситуации (например, однотипные правонарушения), и поэтому никогда не совпадают с целями Справедливости с большой буквы, как этической трансцендентальной максимы.

Этической справедливостью в этом смысле управляет «роковое», то есть неформализованное и непосредственное насилие, находящееся вообще вне правового поля. Субъектами его высту-

66. Аристотель. Большая этика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 297. Курсив наш. — И. Ч., Ю. А.

67. Расхожая цитата из «Политики»: «Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива» (*Он же*. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 389).

68. Ср.: «Ибо цели, которые являются справедливыми, всеобщепризнанными и общепринятыми для одной ситуации, не являются таковыми для любой другой, даже если в других взаимосвязях ситуации очень похожи» (*Беньямин В.* К критике насилия. С. 87).

пают преимущественно боги, большие преступники или революционная толпа. А они, как известно, в праве, как и в этическом оправдании для совершения насильственных действий не нуждаются, но в отличие от государственных институтов, могут их не совершать, деактивируя само право на насилие и воздерживаясь от применения своей аномийной Силы.

Именно в этот ряд протагонистов Справедливости затесался сегодня пока еще управляемый людьми, но в ближайшей перспективе самоуправляемый, автономный боевой дрон⁶⁹. Сегодня этот «шляпный заяц» международного права исполняет приговор без суда и следствия, получая легитимацию из контекста ранее кем-то совершенных преступлений и заочно вынесенных приговоров, а, по сути, из состояния перманентной войны, ведущейся сверхдержавами против несогласных с их подавляющим и безусловным господством народов. Можно сказать, что использование дронов против стран, не обладающих подобным высокотехнологичным оружием, представляет собой технологизированное «мифическое насилие» (по Беньямину)⁷⁰. Тогда субъектом «божественного насилия», как его понимал тот же автор, оказывается террорист-смертник и его брат-близнец — автономный боевой дрон, выходящий сегодня из-под юридического контроля и рамок человеческой этики⁷¹.

Этика дронов

Окончательно принцип пропорциональности насилия и симметричности боевых действий, закрепленный в международных правовых конвенциях ведения войны (*jus belli*), был дискредитирован самим фактом появления ударных дронов — этого симме-

69. Пока не существует юридически согласованного на международном уровне определения *autonomous drones*, равно как и полностью автономных систем. В России согласно ГОСТ Р 57258-2016 корректным является именование «беспилотный летательный аппарат» или «беспилотное воздушное судно», то есть «воздушное судно, управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого ВС, или выполняющее автономный полет по заданному предварительному маршруту» (См.: Роботизация и военное дело будущего / Под ред. В. Н. Бондарева. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021).

70. Беньямин В. К критике насилия. С. 87.

71. Ср. у Беньямина: «Любая война поэтому есть не что иное, как восстание техники против своего рабского существования» (*Он же*. Теории немецкого фашизма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: 2004. С. 360).

тричного ответа супердержав пресловутой партизанской асимметризации, которой такие политические теоретики, как Герффрид Мюнклер, характеризуют «новые войны»⁷².

В оксфордском сборнике 2013 года *Killing by Remote Control. The Ethics of an Unmanned Military* под редакцией Брэдли Джея Строузера не встретишь ссылок на Шмитта и Беньямина, но встречающиеся в англосаксонской традиции аналитической этики и биоэтики аргументы иногда дословно напоминают тезисы Шамаю. Так, Питер Сингер еще в 2009 году отмечал, что «роботы — это американский ответ на террористов-смертников», указывая на аналогичные этические дилеммы и политические проблемы, что и цитируемые выше актуальные авторы⁷³. Поэтому в заключение мы обратимся к некоторым примерам этой этической традиции, отчасти повторяющих уже сформулированные аргументы.

Главная трудность с этической оценкой действий беспилотника связана с тем, что, хотя сами эти действия осуществляет машина, она не автономна, а подчинена человеку, а значит лишь продолжает его действия, реализует его волю. Таким образом, действия дрона, со всеми вытекающими последствиями, могут быть оценены только на основе действий человека, на которого и должна быть возложена моральная ответственность.

Строузер полагает, что использование дронов не просто допустимо, но даже морально более предпочтительно⁷⁴. Он настаивает на том, что в дискуссиях об этике дронов необходимо различать абстрактную теорию морали и конкретные практики их применения. В такой перспективе само понятие асимметрич-

72. Ср.: «Важнейшая особенность новых войн — практикуемая в них стратегия асимметризации: уступающая в силе сторона не стремится достичь уровня развития технологий, на котором находится превосходящий ее противник, но концентрируется на том, чтобы превратить преимущества врага в недостатки таким образом, чтобы разница в материальном положении между оппонентами не проявилась или проявилась минимально» (Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 191–192). Ср.: Дмитриев Т. Войны XXI века // Сократ: журнал современной философии. 2010. № 2. С. 31. Кстати, Мюнклер, как и Калдор, рассуждает об асимметричности партизан в колониальной государственнической оптике.

73. Singer P. W. *Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*. N.Y.: Penguin Press, 2009. Цит. по Калдор М. Новые и старые войны. С. 342.

74. Strawser B. J. Introduction: The Moral Landscape of Unmanned Weapons // *Killing by Remote Control*. P. 17.

ности обретает двоякий характер. Так, тезис Шамаю о том, что дроны не просто усиливают асимметрию, но делают войну полностью односторонней, может быть поддержан в теории, а использованию дронов может быть дана однозначно негативная этическая оценка. Но, что если допустить, что наличие асимметрии — это не так уж и плохо? Разве мы бы не хотели, например, чтобы полицейские были более подготовлены и лучше вооружены, чем преступники?⁷⁵

Та же ситуация возникает, когда мы даем этическую оценку самому факту убийства с помощью управляемого дрона. Безусловно, само по себе убийство недопустимо. И все же возникают ситуации, когда оно может быть морально оправдано, например, ситуация самообороны или защиты других. Здесь возникает вопрос о методе. Как мы уже писали выше, основная критика использования дронов как метода фокусируется на оценке сопутствующего ущерба. В свою очередь заявления о его минимизации служат оправданием для использования дронов.

Но есть ли в принципе что-то неправильное в том, чтобы убить кого-то с помощью дрона? Есть ли морально значимая разница между убийством с помощью ракет *Hellfire*, запускаемых с дрона *Predator*, или таких же ракет, запускаемых с вертолета *AH-1Z*?

Можно попытаться развернуть критику применения дронов из тезиса о том, что каждый человек имеет право быть убитым в честном бою, а не безликой машиной. Однако на каких моральных принципах основано это утверждение? На правилах рыцарских поединков Средневековья? И, даже если оно верно, как может быть реализовано в каждом конкретном случае? Очевидным образом, как отмечает Струозер, использование дронов проблематизирует само понятие солдата.

Эту тему детально исследует австралийский философ Роберт Спэрроу в упомянутом выше сборнике⁷⁶. Аргумент о том, что новое оружие делает войну аморальной, стар так же, как арбалет, — дистанционное оружие используется давно. Однако в случае с дронами мы говорим о возможности полностью избежать риска смерти для его оператора. Каким образом в данных условиях трансформируется статус этических добродетелей, которые традиционно были определяющими в оценке образа храброго солдата, служили некими регулятивами его поведения не только в услови-

75. Ibid. P. 11.

76. Sparrow R. War Without Virtue? // Killing by Remote Control. P. 84–105.

ях войны, но и мира? И становится ли в этой связи принятие решения об убийстве более легким?⁷⁷

Спэрроу характеризует базовые добродетели воина (*martial virtues*): мужество, преданность, честь и милосердие. Мужество проявляется главным образом как способность противостоять страху смерти и встречаться лицом к лицу с врагом. Преданность подразумевает готовность рисковать собственной жизнью ради жизни других, ради общей идеи, например борьбы с мировым злом, или интересов нации. Честь как следование этическим идеалам превращает воина в пример достойный подражанию *à la* Капитан Америка. Милосердие указывает на способность воздержаться от насилия, когда это возможно и оправдано, что, кстати, может служить критерием различения воинов и простых убийц⁷⁸.

Возникает резонный вопрос: требуется ли оператору БПЛА, например, моральное мужество, чтобы убивать? Здесь мы могли бы апеллировать к различного рода исследованиям ПТСР операторов боевых дронов, о которых уже говорилось выше, и утверждать, что решение об убийстве не становится более легким в связи с увеличением расстояния до жертвы. Более того, та самая «удаленная близость», возможно, делает это событие еще более драматичным. Однако, с точки зрения Спэрроу, даже это не позволяет поставить в один ряд тех, кто убивает на расстоянии вытянутой руки, и тех, кто делает это за тысячи километров от жертвы.

То же самое касается и преданности. Операторы дронов могут тренироваться вместе, но сражаться им предстоит отдельно. Вряд ли для них возникнет ситуация, в которой будет необходимо рисковать жизнью ради сослуживцев, ведь им ничто и никто не угрожает. Их преданность общему делу, неким идеям, конечно, может выражаться в многочасовой работе, демонстрируемом упорстве и эффективности в выполнении задач, но сравнимо ли это с теми жертвами, которые несут солдаты на поле боя? И самое главное, есть что-то изначально бесчестное в том, чтобы убивать на расстоянии, абсолютно не рискуя собственной жизнью.

77. Как отмечает Шамаю: «Уже в который раз дрон делает невозможным функционирование имеющихся у нас категорий до такой степени, что делает их непригодными к использованию» (Шамаю Г. Указ. соч. С. 124). Трансформируется не только статус этических добродетелей, но и онтологический статус их обладателей. В связи с этим, можно фиксировать недостаточность традиционного дискурса о войне, когда закрепленные для ее описания понятия уже не работают в описании «новых войн» с участием дронов.

78. Sparrow R. Op. cit. P. 92.

Спэрроу утверждает, что данная категория военнослужащих в связи со спецификой своей деятельности не имеет реальных возможностей для непосредственной реализации добродетелей на практике. И если доля участия беспилотников в будущих войнах будет только возрастать, это может стать серьезной проблемой⁷⁹. Традиции и военные кодексы, закрепляющие статус *martial virtues* ретушируют то, что не соответствует образу гуманной войны, трансформируют ее восприятие солдатом не как театра ужаса и смерти, а как героического блокбастера. Можно ли будет обменять в конечном итоге добродетели на более совершенное оружие, может быть полностью автономное, позволяющее вести войну без риска человеческих потерь в принципе? При этом мы можем говорить о том, что речь идет не просто об обмене добродетелей на оружие, но о полном исключении человека, как субъекта морали из военных действий. С этого момента вопрос о моральной ответственности ставится еще острее. Как отмечает тот же Спэрроу в своей более ранней статье, кто-то должен нести моральную и юридическую ответственность за гибель мирных жителей, это условие — одно из требований *jus in bello*⁸⁰. В таком случае сможет ли автономный дрон стать субъектом права и морали? Можно ли говорить о гуманной войне без человека?⁸¹

С одной стороны, дроны — это действительно революционная военная технология, дальнейшее развитие и распространение которой неизбежно. С другой — будет не менее справедливо признать, что дроны — это не революционная, а «еще одна» технология, которая служит «старым» целям, с которыми могут справляться и другие виды вооружений, и живая сила, причем гораздо успешнее. Поэтому говорить о глобальном и массовом распространении военных дронов, угрожающем межгосударственным отношениям преждевременно, так как в своих наиболее мощных вариациях, например уровня *Predator*, они еще долгое время будут оставаться недоступными для многих стран. Обе позиции

79. «Чем больше вооруженные силы индустриальных обществ стремятся к ведению безрисковой войны, тем труднее убедить военнослужащих в том, что они должны стремиться к военным добродетелям» (Ibid. P. 104).

80. Sparrow R. Killer Robots // *Journal of Applied Philosophy*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 67.

81. «Когда из войны исключаются люди, она дегуманизируется в моральном отношении: разрывается связь между субъектом морального выбора и тем миром, в отношении которого моральный выбор совершается» (Мартынов К. Этика автономных машин: деонтология и военные роботы // *Логос*. 2019. Т. 29. № 3. С. 243).

сегодня находят своих сторонников⁸². Однако мы уже не можем игнорировать очевидные последствия *Second Drone Age*. Ущерб, причиненный ударами дронов, не ограничивается смертями. Население территорий, которые контролируются ими, становятся заложниками абьюзивных отношений и постоянного напряжения, когда наблюдающая машина нарушает личные и социальные границы человека, заставляет его переживать перманентный страх и ужас. Новая эра дронов требует не только прозрачного режима контроля их использования, но и новых этических стандартов, переосмысления не только понятия комбатанта, но и самой войны.

Согласно нашей гипотезе, радикальная этическая рефлексия над субъектами машинно-человеческих взаимодействий в лице систем *UAV*, *LAW* и других видов автоматизированных вооружений должна привести к формулировке не только новой этики войны, позволяющей уйти от слишком ригористических подходов, но и к шансу вернуть «новые войны» в сферу международного права при условии создания «беспристрастного, наднационального механизма применения асимметричного свода правил»⁸³. Но можно ли рассчитывать на синтез социально-антропологических идей, морально-правовых норм и технологических инноваций, которые легли бы в основание создания алгоритмов полностью автоматизированных военных систем, одновременно преодолевая миф о человеческой исключительности, антропоморфные представления о развитии искусственного интеллекта и сомнения в этической безупречности машинных решений и их последствий?

Заключение: технологизация божественного насилия

В 2017 году Вестник НАТО опубликовал статью «Автономные военные БПЛА перестали быть научной фантастикой». Авторы настаивали в ней на разработке правовой и этической рамки, кото-

82. См.: *Horowitz M. C. et al. Separating Fact From Fiction in the Debate over Drone Proliferation // International Security. 2016. Vol. 41. № 2. P. 7–42. URL: https://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/ISEC_a_00257#fn28; *Barthwal N. Drones in Warfare: Merits and Limitations // The Kootneeti. 30.01.2021. URL: <https://thekootneeti.in/2021/01/30/drones-in-warfare-merits-and-limitations/>*.*

83. См.: *Макмаан Дж. Переосмысляя «справедливую войну» // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 155.*

рая позволила бы регулировать использование автономных БПЛА в случае их появления⁸⁴.

Должен ли закон требовать присутствия человека при принятии решений о боевом использовании беспилотника? И если да, то на каком этапе? Кто и как будет обеспечивать корреляцию между военным преимуществом одной из сторон и принципом соразмерности *jus in bellum* — пропорциональным использованием насилия по отношению к противнику? Смогут ли автономные машины адекватно оценивать возможный побочный ущерб от своих действий? Может ли вообще дрон взять на себя функции Бога, решая кому жить, а кому умирать? Подобные вопросы, неоднократно озвученные этиками и теоретиками современной войны, остаются без ответа.

Но если в упомянутой статье речь шла еще о потенциальных угрозах, связанных с участием в военных конфликтах полностью автономных машин, то четыре года спустя они стали уже вполне реальными. Весной этого года в мировых СМИ прогремела новость о том, что дрон *Kargu-2* турецкой компании *STM* самостоятельно атаковал человека, не получая команды от оператора, и это первый подобный случай в истории использования военных беспилотников⁸⁵.

Инцидент произошел еще весной 2020 года, о чем в своем докладе, представленном Комитету Совета Безопасности ООН, сообщила Группа экспертов по Ливии. Однако в докладе говорится о факте атаки беспилотника, но не приводятся данные о человеческих потерях. Если жертвы были, то, безусловно, мы стали свидетелями того, как оружие, находящееся под управлением не человеческого, но машинного интеллекта, самостоятельно приняло решение об убийстве:

Смертоносные автономные системы вооружений были запрограммированы на поражение целей, не требующее связи между

84. См.: *Dyndal G. L. et al. Autonomous Military Drones: No Longer Science Fiction* // NATO Review. 28.07.2017. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2017/07/28/autonomous-military-drones-no-longer-science-fiction/index.html>

85. См.: *Hambling D. Drones May Have Attacked Humans Fully Autonomously for the First Time* // New Scientist 27.05.2021. URL: <https://www.newscientist.com/article/2278852-drones-may-have-attacked-humans-fully-autonomously-for-the-first-time/>; *Kallenborn Z. Was a Flying Killer Robot Used in Libya? Quite Possibly* // Bulletin of the Atomic Scientists. 20.05.2021. URL: <https://thebulletin.org/2021/05/was-a-flying-killer-robot-used-in-libya-quite-possibly/>.

оператором и боеприпасами: по сути, это было полноценное применение механизма автономного режима наведения⁸⁶.

* * *

Что получится, если начать обучать искусственный интеллект ударных дронов нормам морали, постепенно переводя их с ручного управления на автономное на основе какого-то избранного или обобщенного этического учения? Можно ли будет затем ответственно отправлять их патрулировать улицы городов, охранять границы или мониторить «горячие точки»? *Skynet*, сиквел «Робокоса»? Проблема состоит в нерелевантности любой формализованной этики, как системы запретов и ценностей, которые можно было бы передать искусственному интеллекту для принятия столь ситуативных и ответственных решений. Как показал еще Ницше, генеалогически человеческая мораль питается из насильственных практик, заряжена на победу в войне и оправдывает только победителей. Именно по этой причине любые попытки формализации и алгоритмизации человеческих этик — от Аристотеля до современных деонтологов, консеквенциалистов или утилитаристов терпят неудачу, ведь использовать их в качестве основы для принятия автоматических, машинных решений небезопасно, а их неизбежные факапы некому будет предъявить. Поэтому разработчики, даже для менее сложных кейсов, таких как искусственный интеллект беспилотных автомобилей, отказываются от слишком «умных» решений этических затруднений на дороге⁸⁷.

Вот только машины в этом не виноваты, ибо их алгоритмы пока подчинены человеческим целям и действиям, основанным на традиционных моделях ресентиментного социального поведения, поддерживающего круговорот насилия в природе и обществе. Возможным решением могло бы стать аналогичное материальному замещению человека машиной — «духовное» протезиро-

86. Доклад Группы экспертов по Ливии, учрежденной резолюцией 1973(2011) Совета Безопасности ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2021/229> (см. п. 63).

87. Самое известное исследование о морали искусственного интеллекта провели в Массачусетском технологическом институте, см.: *Awad E. et al. The Moral Machine Experiment // Nature. 2018. Vol. 563. № 7729. P. 59–64.* Робомобили уже неоднократно становились «виновниками» смертельных ДТП. Подобные ситуации, равно как и отсутствие соответствующих законов в России и ряде других стран, сдерживают вторжение автономных беспилотных машин в города (См. *Земнухова Л. В. и др. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 50.*

вание человеческой морали этикой самих машин. Как это может быть мыслимо? Разумеется, не в плане развития искусственного интеллекта в сильном смысле.

Кирилл Мартынов справедливо указывает в этой связи на

... разрыв между прагматическим описанием машин в качестве членов правового и морального сообщества и интерпретации искусственного интеллекта в качестве реального морального субъекта⁸⁸.

В некотором смысле проблем с этикой у дронов нет, ибо уничтожение идентифицированного по феноменологическим признакам террориста — достаточное основание для этического оправдания соответствующих действий. Но, возможно, у автономного дрона могло бы возникнуть иное решение на основе более тщательного анализа предыстории и биографии противника, которое предотвратило бы его убийство, уничтожив, например, лишь вооружение и инфраструктуру⁸⁹.

В цитируемой статье в «военном» номере «Логоса» Мартынов предлагает оригинальное решение для включения автономных машин в рамки этики, состоящее в том, что роботам, в отличие от людей, чтобы побеждать в войнах не обязательно убивать своих противников⁹⁰. Буддийская ахимса в решении проблемы вагонетки обоснована здесь не только контингентностью и непредсказуемой событийностью будущего, но и неспособностью утилитаристской и деонтологической традиций непротиворечиво и фундаментально обосновать оправданность или нелегитимность применения дронов в военных целях. «Слезинку ребенка» из этики никто так и не выплакал, а сокращение человеческих по-

88. См.: «Этот разрыв между тем, как мы должны относиться к машинам, и тем, чем они на самом деле являются, особенно важен для деонтологии. Наше определение подразумевает, что действие автономных машин предписывается не столько программой, сколько данными, полученными в реальных «полевых условиях», что позволяет алгоритму гибко адаптироваться к различным ситуативным контекстам» (Мартынов К. Указ. соч. С. 234–235).

89. «Более совершенные в технологическом отношении машины смогут избежать убийств в ходе военных действий, добываясь при этом традиционных военных целей (заключение мира на выгодных условиях, оборона территории, устранение угроз, в том числе летальных для некомбатантов). Разработчики военных роботов могут сделать ставку на создание машин, которые способны эффективно уничтожать машины противника и при этом гуманно относиться к противникам-людям, к примеру выводя их из строя, обездвигивая» (Там же. С. 240).

90. Там же. С. 231, 234, 241.

терь и страданий у противостоящих сторон вследствие введения автоматизированного вооружения всегда асимметрично. В свою очередь кантовский ригоризм и антропоморфизм не учитывает «прав» самих машин, которые можно понимать как возможность для дальнейшего развития автоматизированных технологий, их постепенной социальной адаптации, если не эволюции.

Основное затруднение, отмечаемое исследователем в связи с использованием боевых дронов, связано со стиранием различия между войной и полицейской операцией, ведущим к реализации сценария «машинного вечного мира» несовместимого с человеческой свободой:

... вместе с риском погибнуть граждане теряют и право на восстание против тиранического государства или корпорации, которые отныне и всегда избегают отнимать у кого-либо жизнь, довольствуясь простым «поддержанием порядка»⁹¹.

Но здесь проблема, скорее, в возможном закреплении права на такой контроль только за одной государственной силой или альянсом супердержав, что может ограничить не только свободу отдельных граждан, но и право на развитие и существование целых народов и культур, не вписывающихся в господствующую цивилизационную модель. Война может стать справедливой только в отрыве от общественной морали и культурных политик противоборствующих сторон. Поэтому актуальным остается запрос на автономный наднациональный механизм, снабженный универсальной этической программой, который мог бы взять на себя подобную миссию. Понятно, что на эту роль не может претендовать сегодня ни ООН, ни НАТО, ни тем более «Аль-Каида»⁹².

Как мы уже сказали, задача состоит в переводе «мифического» насилия в «божественное» через автономизацию дронов, то есть в наделении машины субъектностью «божественного насилия» в Беньяминовом смысле, его технологизации. Тем более что генеалогически дрон стоит в ряду субъектов, которым трудно, вернее, невозможно вменить ответственность — бог, бунтующая толпа и «большой» преступник. В отличие от государственных репрессивных органов преимущество этих акторов состоит в имеющейся у них способности не отвечать на насилие там, где формально нарушаются нормы права. Великодушие преступника, внушаемость и непредсказуемость толпы, милость или гнев Бога

91. Там же. С. 232–233.

92. Запрещенная в России террористическая организация.

позволяют иногда разрывать круг перманентного насилия в обществе, избегая установления новых юридических норм и государственного порядка. Они могут не соблюдать законов, потому что не нуждаются в праве на убийство, но именно поэтому могут и не убивать своих врагов. В этом состоит основная добродетель этики дронов, доставшаяся им по наследству от партизан.

Кстати, применять теорию справедливой войны к войне дронов в формулировке их этики — это все равно что пытаться ввести аномию в номос, на манер Шмитта. Как было показано выше, возвращение партизанства в правовое поле, сопровождалось у него характерной подменой субъекта и профанацией теории классовой борьбы, а выведенные критерии партизанства служили, пусть и *post festum*, их перехвату для апгрейда тактик регулярной армии, подобно тому как боевые беспилотники переняли «исходный код» японских камикадзе. Теория партизана Шмитта сродни в этом плане теории дрона Шамаю — оба героизируют соответствующие фигуры, навязывая ненужное им господское признание. Поэтому, когда Шамаю говорит о совершаемом на наших глазах переходе «от этики самопожертвования и отваги к этике самосохранения и более-менее открыто признаваемой трусости», за его левой риторикой маячит «лейтенант запаса» *à la* Эрнст Юнгер с псевдоромантическими представлениями о воинской чести в эпоху оружия массового поражения⁹³. Критика Шамаю военного использования дронов выглядит в этом контексте крайне двусмысленно и одно-сторонне. Левoliberalным критикам беспилотных военных технологий следовало бы попытаться в новых цифровых условиях деполитизировать саму войну, а не заниматься ее пресловутым обереганием, гуманизацией и этизацией — квазишмиттеанскими юридическими спекуляциями⁹⁴. Неразличимость нормы и аномии здесь подобно, с одной стороны, королевскому инцесту, который запрещается самим актом его совершения сувереном, а с другой — статусу ядерного оружия, которое будучи запрещенным для большинства стран, не применяется его владельцами, но действует как перманентная угроза самоуничтожения человечества.

Беньямин, писавший в своем историческом завещании «О понятии истории» о необходимости действительного чрезвычайного

93. Ср.: Беньямин В. Теории немецкого фашизма. С. 361–363.

94. Следует учесть, что «Теория дрона» Шамаю писалась после событий 11 сентября 2001 года, в условиях объявленной американским правительством борьбы с терроризмом с помощью беспилотников. Последующие за этим стремительный рост технологий и изменения мировой политической конъюнктуры, объясняют быстрое устаревание ее тезисов.

положения, по сути, предлагал реабилитировать право угнетенных на владение подобным инструментом тотального уничтожения (понимая под ним Сорелеву революционную забастовку), одновременно предупреждая о катастрофичности его подчинения чьим-либо индивидуальным суверенным решениям. Переводя эту мысль на язык современной войны, нужно не замыкать использование новых видов вооружений на избранного субъекта-суверена, а освободить их для автономного машинного становления. Машинный *phylum* Жюль Делёза сам разберется, что с этим делать⁹⁵.

Ставка на ускоренное развитие технологий беспилотных, автоматизированных и роботизированных вооружений видится нам единственным выходом из порочного круга межстрановой конкуренции и внутривосточного миметического насилия. Односторонняя критика ударных дронов леволиберальными теоретиками до сих пор основывалась на их использовании исключительно развитыми странами. Но ситуация в последнее время начинает меняться — на воздушных границах Йемена и Пакистана, Ливии и Сирии появляются «другие» дроны, купленные или украденные у легальных производителей, собранные из подручных средств. Как мы уже писали, технологии БПЛА легитимно разрабатываются сегодня и в не самых богатых странах мира, и даже используются отдельными группировками боевиков. Машинный филум рискует быть перехвачен, таким образом, как капиталистами, так и террористами. На этот вызов может ответить сегодня только дальнейшее глубокое машинное обучение и критическая социальная адаптация подобных технологий.

Но пока разговоры о гуманизации военных убийств, в том числе в контексте широко обсуждаемой в последнее время проблематики *targeted killing* с помощью дронов⁹⁶, восхищение высокотехнологичным и экономичным дизайном этих боевых машин представителями власти, только усиливают запирательство критиков и социальный дисконнект. Правда в том, что дизайнерское и тех-

95. См.: Деланда М. Война в эпоху разумных машин / Пер. с англ. Д. Кралечкина. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 14–18.

96. См., напр.: Megret F. J. M. S. The Humanitarian Problem With Drones // Utah Law Review. 2013. Vol. 2013. № 5. P. 1283–1319; Calhoun L. We Kill Because We Can: From Soldiering to Assassination in the Drone Age. L.: Zed Books, 2016; Seen M., Troy J. The Transformation of Targeted Killing and International Order. L.: Routledge, 2019; Self-Defense, Necessary Force, and the Ethics of Modern Warfare. Daniel Rhodes in conversation with Helen Frowe // Epoché Magazine. December 2019. № 27. URL: <https://epochemagazine.org/27/self-defense-necessary-force-and-the-ethics-of-modern-warfare/>.

нологическое совершенствование оружия, направленное на уничтожение другого человека без боли и крови — это единственный гуманизм, который мы могли себе позволить в рамках «аналоговой» этической парадигмы. К счастью, флюссеровский сарказм не является на сегодня преобладающим модусом отношения к новым видам вооружений для критически мыслящих исследователей⁹⁷, а у «этики средств» в гонке вооружений с медиаэстетикой и традиционными этическими доктринами появляется шанс как минимум заявить о себе.

Парадоксальным образом боевой дрон, призванный сделать войну более гуманной, пространственно отдаляя от нее человека, привнес в нее еще больше человеческого. Анализ этических проблем боевого использования дронов актуализирует вопрос об индивидуальной биографии каждого человека, которую машина должна учитывать, чтобы оправдать гуманность своего использования. Прицельность дрона выглядит в этом контексте как противоядие от обезличенности традиционной войны, позволяющее избежать братских могил безымянных солдат. Война больше не растянута во времени и пространстве, но локально сосредоточена в одном лице, в одном имени, в одной истории. Это то, с чего мы начали, акцентируя внимание на методологии Беньямина. Ведь о средствах насильственных действий нельзя судить ни по их целям (деонтология, естественное право), ни по их последствиям (консеквенциализм, утилитаризм, позитивное право), а только согласно закону самих средств (этика дронов)⁹⁸. А дроны своих целей не имеют, представляя собой самозначимые средства. То есть у этих новых военных медиа есть собственный социально значимый message, который мы только начинаем расшифровывать в потоке слишком человеческих речей.

Публичное обсуждение в научной, правовой, журналисткой, политической и военной литературе этических проблем «новых» войн, таких как выгорание операторов дронов, инфляция понятий мужества, доблести, чести, милосердия, и т. д., является свидетельством начала тестирования на социальном теле, первым этапом социальной адаптации автономных вооружений, которая сопровождается расставанием с мифом старых войн, которых на самом деле никогда и не было.

97. Ср. двусмысленное обсуждение нашей проблемы у Флюссера в главе «Война и положение вещей» из: *Флюссер В.* Указ. соч. С. 33–38.

98. *Беньямин В.* К критике насилия. С. 85.

Библиография

- «Я — человек войны...»: интервью Валерия Подороги Алексею Козыреву // Сократ: журнал современной философии. 2010. № 2.
- Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. И. Левиной и др., под ред. Д. Новикова. М.: Европа, 2011.
- Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / Пер. с ит. М. Велижева и др. М.: Европа, 2011.
- Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2 / Пер. С. Ермакова. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.
- Аристотель. Большая этика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Аристотель. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 65–100.
- Беньямин В. Теории немецкого фашизма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: 2004.
- Бодрийяр Ж. Гипотезы о терроризме // Сигма. 15.07.2016. URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiiaar-gipotiezy-o-tierrorizmie>.
- Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27. № 2.
- Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Деррида Ж. Война как политики дружбы. Клятва, заговор, братание или «вооруженный» вопрос // Гендерные исследования. 2018. № 23. С. 43–59. URL: <http://kcs.net.ua/gurnal/23/04-gi23.pdf>.
- Дмитриев Т. Войны XXI века // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2.
- Жириар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: НЛО, 2010.
- Заквасин А. «Сможет вести разведку автономно»: какими возможностями будет обладать ударный беспилотник ВКС «Охотник» // RT. 04.08.2019. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/655955-ohotnik-bes-pilotnik-ispytaniya>.
- Земнухова Л. В., Глазков К. П., Логунова О. С., Максимова А. С., Руденко Н. И., Сивков Д. Ю. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Калдор М. Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3.
- Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского, под ред. А. Смирнова, В. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Куманьков А. Д. Война, или В плену насилия. СПб.: ЕУСПб, 2019.
- Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Пер. С. Ермакова. М.: НЛО, 2021.
- Макмаан Дж. Переосмысляя «справедливую войну» // Логос. 2019. Т. 29. № 3.
- Мартынов К. Этика автономных машин: деонтология и военные роботы // Логос. 2019. Т. 29. № 3.
- Минделл Д. Восстание машин отменяется! Мифы о роботизации / Пер. В. Краснянской, под ред. А. Маркеловой. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. Т. 29. № 3.

- Пасквинелли М. Работа абстракции: семь переходных тезисов о марксизме и акселерационизме // Логос. 2018. Т. 28. № 2.
- Роботизация и военное дело будущего / Под ред. В. Н. Бондарева, М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021.
- Флюссер В. О положении вещей. Малая философия дизайна / Пер. Т. Зборовская. М.: Ад Маргинем Пресс. 2016.
- Худолеев В. Покорители небесных просторов // Красная звезда. 12.08.2020. URL: <http://redstar.ru/pokoriteli-nebesnyh-prostorov/>.
- Чубаров И. Бенъямин Шмитту не товарищ, или Ошибка Агамбена // Логос. 2012. № 5 (89). С. 44–67.
- Чубаров И. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- Шамаю Г. Теория дрона / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020.
- Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
- Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 281–356.
- Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007.
- Awad E., Dsouza S., Kim R. et al. The Moral Machine Experiment // Nature. 2018. Vol. 563. № 7729. P. 59–64.
- Barthwal N. Drones in Warfare: Merits and Limitations // The Kootneeti. 30.01.2021. URL: <https://thekootneeti.in/2021/01/30/drones-in-warfare-merits-and-limitations/>.
- Calhoun L. We Kill Because We Can: From Soldiering to Assassination in the Drone Age, Zed Books, 2016.
- Callamard A. Use of Armed Drones for Targeted Killings // United Nations. Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions. 17.08.2020. URL: <https://undocs.org/en/A/HRC/44/38>.
- Derrida J. Force de loi: le “fondement mystique de l’autorité”. P.: Galilée, 1994.
- Derrida J. Politiques de l’amitié suivi de L’oreille de Heidegger. P.: Editions Galilée, 1994.
- Dyndal G. L., Berntsen T. A., Redse-Johansen S. Autonomous Military Drones: No Longer Science Fiction // NATO Review. 28.07.2017. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2017/07/28/autonomous-military-drones-no-longer-science-fiction/index.html>.
- Gusterson H. An American Suicide Bomber? // Bulletin of the Atomic Scientists. 20.01.2010. URL: <https://thebulletin.org/2010/01/an-american-suicide-bomber/>.
- Gusterson H. Drone Warfare in Waziristan and the New Military Humanism // Current Anthropology. 2019. Vol. 60. № 19.
- Gusterson H. Drone: Remote Control Warfare. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016.
- Hambling D. Drones May Have Attacked Humans Fully Autonomously for the First Time // New Scientist 27.05.2021. URL: <https://www.newscientist.com/article/2278852-drones-may-have-attacked-humans-fully-autonomously-for-the-first-time/>.

- Han Byung-Chul *The Viral Emergence(y) and the World of Tomorrow* // Pianola Con Libre Albedrio. 29.03.2020. URL: <https://pianolaconalbedrio.wordpress.com/2020/03/29/the-viral-emergence-y-and-the-world-of-tomorrow-byun-chul-han/>.
- Hoffman F. G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Horowitz M. C., Kreps S. E., Fuhrmann M. *Separating Fact From Fiction in the Debate over Drone Proliferation* // *International Security*. 2016. Vol. 41. № 2. P. 7–42. URL: https://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/ISEC_a_00257#fn28.
- Kallenborn Z. *Was a Flying Killer Robot Used in Libya? Quite Possibly* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 20.05.2021. URL: <https://thebulletin.org/2021/05/was-a-flying-killer-robot-used-in-libya-quite-possibly/>.
- Lellio, A., Castano, E. *The Danger of “New Norms” and the Continuing Relevance of IHL in the Post-9/11 Era* // *International Review of the Red Cross*. 2015. Vol. 97. № 900.
- Loraux N. *L'invention d'Athènes. Histoire de l'oraison funèbre dans la “cité classique”*. 2nd ed. P.: Payot, 1993.
- McMahan J. *Foreword* // *Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military* / B. J. Strawser (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Megret F. J. M. S. *The Humanitarian Problem With Drones* // *Utah Law Review*. 2013. Vol. 2013. № 5. P. 1283–1319.
- Power M. *Confessions of a Drone Warrior* // *GQ*. 22.10.2013. URL: <http://www.gq.com/story/drone-uav-pilot-assassination>.
- Press E. *The Wounds of the Drone Warrior* // *The New York Times*. 13.06.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/13/magazine/veterans-ptsd-drone-warrior-wounds.htm>.
- Seen M., Troy J. *The Transformation of Targeted Killing and International Order*. L.: Routledge, 2019.
- Self-Defense, Necessary Force, and the Ethics of Modern Warfare*. Daniel Rhodes in conversation with Helen Frowe // *Epoché Magazine*. December 2019. № 27. URL: <https://epochemagazine.org/27/self-defense-necessary-force-and-the-ethics-of-modern-warfare/>.
- Shaikh S., Rumbaugh W. *The Air and Missile War in Nagorno-Karabakh: Lessons for the Future of Strike and Defense* // *Center for Strategic and International Studies*. 08.12.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/air-and-missile-war-nagorno-karabakh-lessons-future-strike-and-defense>.
- Singer P. W. *Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*. N.Y.: Penguin Press, 2009.
- Sparrow R. *Killer Robots* // *Journal of Applied Philosophy*. 2007. Vol. 24. № 1.
- Sparrow R. *War Without Virtue?* // *Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military* / B. J. Strawser (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Ssorin-Chaikov N. *Hybrid Peace: Ethnographies of War* // *Annual Review of Anthropology*. 2018. Vol. 47. № 1. P. 251–262.
- Strawser B. J. *Introduction: The Moral Landscape of Unmanned Weapons* // *Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military* / B. J. Strawser (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Suchman L. *Situationsbewusstsein. Tödliche Biokonvergenz an den Grenzen von Körpern und Maschinen* // *Zeitschrift für Medienwissenschaft*. 2016. Heft 15. № 2. S. 25.

THERE HAS NEVER BEEN “OLD” WARS, OR, DRONE ETHICS

IGOR CHUBAROV. Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (UTMN), Russia, i.m.chubarov@utmn.ru.

YULIYA APPOLONOVA. Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (UTMN), Russia, y.s.appolonova@utmn.ru.

Keywords: Asymmetric warfare; hybrid peace; ethnography of violence; Walter Benjamin; Karl Schmitt; guerilla; suicide pilot; drone ethics.

The article challenges traditional notions of war and war ethics from the standpoints of a terrorist attack victim and of a drone strike victim, of the decentralized opposition of “old” and “new” wars, “major” wars and “small” ones, combatants vs. non-combatants, soldiers vs guerilla fighters, friends vs enemies, victors vs defeated. Accordingly, the authors consider the political status and social role of ethnographic, anthropological and ethical research within the context of “new wars,” which include guerilla warfare and resort to terrorist tactics. Building on current research in sociology, anthropology, ethics and political studies (Hugh Gusterson, Mary Kaldor, Jeff McMahan, Lucy Sachman, Emran Feroz, Grégoire Chamayou, Kirill Martynov, Victor Vakhshayn et al.), the authors regard whether drone technologies and other automated weapons conform to the Russia’s military ethics. They also speculate upon prospects of some technologies being socially adapted in different world cultures.

The article brings up to date critique of violence by Walter Benjamin and problematizes the concept of the political by Carl Schmitt through the lens of the present-day military ethnography (see Nikolai Ssorin-Chaikov’s *Hybrid Peace: Ethnographies of War* in this issue of Logos). Analyzing historical transformations and inversions of guerillas, suicide pilots, UAV operators and suicide bombers deconstructs the notion of “hybrid war” as well as “hybrid peace.” Finally, the authors introduce a project of a less rigoristic and not purely prohibitive ethical program (“drone ethics”) which might serve as a basis for automated systems’ algorithms to make decisions during military crises and states of emergency. The article continues to address the range of problems brought up in the Logos issue on war (Vol. 29 #3 2019).

DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-63-105